

Его дорога к храму стала и моей дорогой

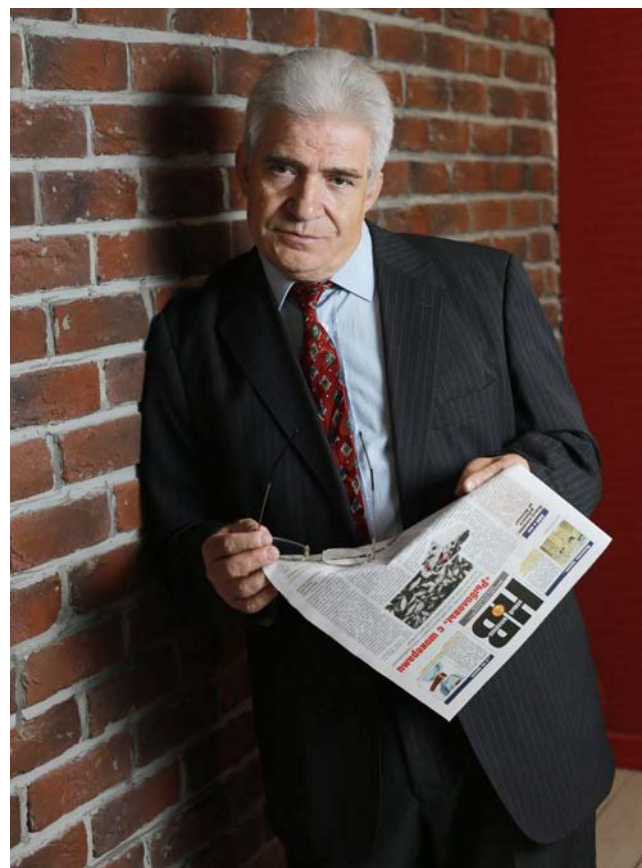
Леонид Арих — главный редактор
федерального еженедельника
«Новый вторник», Москва

О своём будущем герое я узнал совершенно случайно.
И не абы от кого, а из уст председателя СЖР Владимира Соловьёва

Пётр Зади́ров. Фото Анвара Галеева

Сним мы довольно часто встречаемся по делам сугубо газетным, к которым он, в силу занимаемой должности, имеет самое прямое отношение. И вот в ходе одной из таких традиционных встреч мой собеседник вспомнил «вдруг» о Зади́рове. Хотя вспомнил, как оказалось, совсем не случайно. Заканчивался февраль 21-го, и мы по обыкновению стали с ним перебирать ближайшие важные события. И тут он произнёс совершенно незнакомую мне фамилию: Зади́ров. А назвав её, задумался, будто что-то вспоминая. И заметно изменился в лице,

помрачнел даже, что для закалённого жизнью Владимира Геннадиевича состояние довольно редкое. Я и заинтересовался: кто такой Зади́ров? Тогда-то Соловьёв и познакомил меня с этим, как потом выяснится, легендарным человеком. Познакомил накоротке, сказав лишь, что был такой му-

жик. Настоящий. Сильный телом и духом. Испытывал парашюты, много раз висел на волоске от смерти. А погиб...

Мне показалось, что на этом слове, будь рядом стакан с водкой, Соловьёв опустошил бы его, чтобы слотнуть подкравшуюся слезу — настолько невероятную смерть принял Зади́ров.

Воскресным утром 15 марта 2020 года, торопясь в храм Преображения Господня, что в районе Тушина, Зади́ров решил, видимо, срезать путь к нему по ж/д путям, но не заметил приближавшийся поезд...

К несчастью, в тот день как раз разыгралась снежная буря. Машинист затормозить не успел.

Вот так до наивности просто закончилась земная жизнь этого, безусловно, необыкновенного человека: переживший множество чрезвычайных ситуаций в небе, Пётр Иванович Зади́ров перед лицом возникшей на земле опасности оказался, увы, бессильным.

Разумеется, я схватился за тему. И так же, уверен, поступил бы на моём месте любой профессиональный журналист. Или, скорее, тема схватила меня в свои крепкие объятия. Но в тот момент я ещё не знал-не ведал, какой богатый материал ждёт меня впереди и какая удивительная судьба откроется мне в ходе исследования биографии Зади́рова.

ПЕРВОИСТОЧНИКОМ СТАЛ СОЛОВЬЁВ

В тот же день мы договорились с Владимиром Геннадиевичем встретиться в ближайшее время с единственной целью — «поговорить о Зади́рове». В итоге интервью с Соловьёвым, ставшим своего рода «первоисточником», заняло часа два, не меньше.

И тому есть простое объяснение.

Во-первых, Соловьёв многие годы, задолго до прихода в СЖР, ещё в качестве журналиста-телевизионщика, водил с Зади́ровым крепкую мужскую дружбу и в каком-то смысле был обязан тому своей карьерой, о чём в опубликованном материале подробно рассказывается.

Во-вторых, я оказался первым, кто попросил Соловьёва рассказать о Зади́рове, и он, также впервые, так подробно, во всех деталях описал необыкновенную, подчеркну ещё раз, жизнь своего старшего товарища.

К сожалению, в окончательный вариант очерка о Зади́рове вошла лишь малая часть интервью. И не

только потому, что газета не резиновая. Для меня важно было вклинить в рассказ о герое и высказывания других действующих лиц, равно как и его собственные.

Какие-то из них уже публиковались и были доступны, какие-то я добывал сам. Скажу честно: собранного материала оказалось так много, что меня поначалу даже оторопь взяла: смогу ли я им разумно распорядиться?

А ЧТО — «ПОСЛЕ»?

Главное же, что я вынес: его дорога к храму стала и моей дорогой, о чём я ещё скажу ниже. Но прежде Зади́ров стал и моим другом, и об этом я откровенно сказал в материале (цитирую для тех, кто его не читал):

«Готовя эту публикацию о Зади́рове, я перелопатил гору информации о нём. И мысленно следуя по оставленным им следам на земле, я вольно или невольно входил в его жизнь, и Пётр Иванович становился чрезвычайно близким мне человеком. По меньшей мере — братом. И уж точно — другом. Чем больше я узнавал о Зади́рове, тем роднее он казался. А сближали нас не только и, пожалуй, не столько возраст, сколько скорее уклад жизни, при котором мы явились на свет и пускали корни: оба деревенские, и оба росли в степи, с той лишь разницей, что Зади́ров — в оренбургской, а я — в донецкой...»

Собирая материал, я обратил внимание, что большинство публикаций о нём вышли вскоре после 15 марта 2020 года, то есть были приурочены к дате смерти. При этом большинство коллег сосредоточивали внимание читателей на знаменитом 1012-м прыжке Петра Ивановича, когда тот, упав с 800-метровой высоты с нераскрывшимся запасным парашютом, отделался лишь лёгкими травмами...

А ещё многие авторы для пущей красоты (и совсем не к месту) выпячивали один из ставших известным фактов в биографии испытателя парашютов: про его вещий сон, который якобы приснился ему аккуратно перед тем чудо-прыжком. На самом деле всё было не так.

— Сон действительно был, — вспоминал сам Зади́ров, — но он приснился мне не до, а после того прыжка. А дело было так. Спустя несколько месяцев у меня на глазах гибнет лучший друг, с кем мы

вместе были в спорте, с кем вместе пришли в испытатели. Он падал и погибал у меня на глазах, и это, конечно, произвело на меня сильное впечатление. Я первым прибежал к погибшему, первым вошёл в номер гостиницы, где лежали его вещи, а его уже не было в живых.

А потом, через какое-то время, мне поручают проверить в деле парашютную систему, во время испытаний которой он и погиб. То есть надо было доразобраться до конца, что произошло в небе. И вот тогда мне стало по-настоящему страшно, ведь в день испытаний я видел от и до, как он, профессионал, погибал, а мне предлагают снова всё повторить. Вот тогда, накануне испытаний, мне и приснился этот сон: будто я падаю, как мой друг в тот роковой час... И мне жутко, и я понимаю, что я погибаю, потому что, как профессионал, я знаю, что иного выхода уже нет, ибо я вижу, что падаю прямо на обледенелую дорогу и что меня уж точно никто и ничто не спасёт.

Но вдруг на дороге появляется точка, и она растёт по мере того, как я приближаюсь к земле, и приобретает очертания человека. И я узнаю в нём свою маму. Задрав голову, она удерживает в руках расправленный оренбургский пуховый платок, и я падаю прямо в него, как в люльку. И со мной ничего не происходит.

Несомненно, чудо-спасение Задинова для любого материала — не просто украшение, кульминация, а своеобразный конёк, я бы даже сказал — апофеоз. Но сам Задинов старался не называть случившееся сновидением вещим, придавая ему совсем другое значение. По его словам, этот сон лишь подтверждает тот очевидный (для него самого, во всяком случае) факт, что этот и подобные ему случаи (их было немало) — вовсе не чудо, а следствие молитв матери, её веры. «Именно они — молитвы и вера, а не повернувшийся (под ноги) сугроб или ещё что-то спасли меня от верной смерти», — считал Задинов. Для меня в этой истории, да и вообще в истории жизни Задинова, стал очевидным тот факт, что его дорога к храму, или, проще говоря, к Богу, началась в небе, после того 1012-го прыжка вкупе с так называемым вещим сном. Чуть позже, став с лёгкой руки Героя России Чилингарова предпринимателем и получив статус богатого человека, Задинов, ещё вчера

ютившийся в съёмной квартире и перебивавшийся с хлеба на воду, задаётся сакраментальным вопросом: а что с этим статусом делать? Как этим богатством распорядиться?

Большие деньги иных людей, мы это знаем, портят. А Задинова они, если можно так выразиться, облагородили, возвысили чуть не до святопочитания, и здесь нет никакого преувеличения. Почти все зарабатываемые праведным трудом средства Пётр Иванович стал вкладывать в строительство церквей.

Первым таким объектом стал храм Казанской иконы Божьей Матери в родном селе Новоникольском. За ним последовал и вовсе уникальный проект — строительство церкви Святой Троицы на острове Ватерлоо в Антарктиде, неподалёку от российской полярной станции Беллинсгаузен, которой придан статус патриаршего подворья Троице-Сергиевой лавры. А вскоре на Валдае вырос и третий завидовский храм — точная копия антарктического, но уже во имя преподобного Сергия Радонежского...

А ведь судьба Задинова могла сложиться по-иному, попади он на контрактную службу в ВДВ. Уже были подготовлены все необходимые документы, которые ушли в штаб войск. На горизонте маячил Афган (шёл декабрь 1979-го), и Пётр Задинов запросто мог оказаться в ареале боевых действий в этой горной стране. Но что-то, видно, не срослось. И он стал тем, кем стал.

Однако сказать, что Задинов стал испытателем парашютных систем — значит, ничего не сказать. Ибо почти параллельно он проходил не менее тяжелое испытание — испытание деньгами и, более того, властью этих самых денег, что в некоторых случаях сродни, не побоюсь этого сравнения, испытанию на жизнь и смерть.

Исключительно с целью эффективного распоряжения личными средствами Пётр Иванович уже далеко не в студенческом возрасте решил повысить свои экономические знания, поступив в Кейптаунский университет. Потом, уже в Москве, защитил диссертацию, связав свою научную работу с тем, что знал очень хорошо, — доставка с помощью парашютных систем всего необходимого людям, работающим в Арктике и Антарктике.

Трудно сказать, сколько ещё храмов построил бы Пётр Иванович и сколько ещё добрых дел сотворил бы этот человек, не наступи в его жизни тот злополучный день — 15 марта 2020 года...

ПРОДОЛЖЕНИЕ — СЛЕДУЕТ

Однако точно так же, как история не терпит сослагательного наклонения, невозможно объять необъятное в одной газетной публикации, пусть и такой солидной по объёму, в какой вылился мой очерк.

Я же уверен, что жизнь и судьба Задинова заслуживают большего — по меньше мере добротной книги,

к написанию которой я исподволь стал готовиться сразу после выхода в свет материала, ибо он, к большому сожалению, не вместил всего того, что мне хотелось рассказать о Задинове.

Я решил пройти по его следам и первым делом отправился в Свято-Троицкий Серафимо-Девеевский монастырь, рядом с которым — на территории монастырского кладбища — Пётр Иванович, как сам завещал, и нашёл своё последнее пристанище. Где на памятной мраморной доске в списке высокочтимого попечительского совета обители выгравировано и его имя.

Чтят и помнят Пётра Ивановича не только настоятельница монастыря — матушка Сергия, но и «простые» монахини, включая обслуживающий персонал прихода, и даже послушницы, работающие в трапезных. Кому-то Петр Иванович помог материально, кому-то подсобил недвижимостью, кого-то (было и такое) спасал от пьянства и даже от тюрьмы.

Собранный материал заметно разбух, а в моих ближайших планах — побывать ещё и в Новоникольском, родном селе Задинова, посетить также храм, построенный Задиновым на Валдае, записать воспоминания о Петре Ивановиче десятков хорошо знавших его людей. Коллеги-телевизионщики рассказали мне о якобы сохранившемся дневнике Задинова, который ещё предстоит отыскать.

«За кадром» остались знаменитые парашютные прыжки Петра Ивановича с сыном Александром с вершины Эвереста и на Северный полюс, самолёт АН-2, расходы на ремонт которого полностью оплатил Пётр Задинов, после чего передал машину для новгородского авиа-спортивного клуба. Теперь самолёт носит его имя.

Во что в конечном итоге выльется моя подготовительная работа, сказать пока не берусь. Уверен лишь в том, что жизнь Петра Ивановича заслуживает быть увековеченной в замечательной серии, которую уже много лет пестует и регулярно пополняет новыми именами «Молодая гвардия», — «Жизнь замечательных людей». Очень надеюсь, что издательство положительно отнесётся к моей заявке. Всё остальное, безусловно, будет зависеть только от меня как автора будущей книги.

Публикуется в сокращении.

